

П. А. ФЛОРЕНСКИЙ

Лекции по истории античной философии. Лекции XII–XIII. <1> Личность Сократа и лицо Сократа

1. Самодовольный резонер в роде добродетельного Стародума; реформатор философии, не сумевший выучиться даже старому и не доросший до старого; назойливый болтун, вечно держащий в уме и на языке все вульгарное — кожевников, валяльщиков, сапожников, разные товары и даже навоз; позёр, ищущий дешевых лавров у толпы и даже смертью своею разыгравший (— и безвкусно разыгравший —) сцену, — и пред кем? — пред своими обманутыми поклонниками. Вы, конечно, догадываетесь, что я говорю о **Сократе**.

2. Все фальшиво, все делано, все неискренне, — каждый поступок, каждая черта характера вызывает раздражение и ненависть. «Познай себя». Да, «познай себя», сколь ты тщеславен, сколь ты фальшив. Если и этого не познал, то что же ты познал? «Я знаю, что ничего не знаю». Жеманство! Конечно, ты ничего не знаешь, на деле, но чтобы не оказаться знающим менее других, ты и спешешь предупредить всех: «господа, я ничего не знаю», покивав вместе головою на знающих: «Ведь это я только, мол, так, для виду; это я — о них, а я конечно все знаю, больше всех».

3. Таков Сократ, или, точнее, таков образ Сократа, складывающийся у воспитанника классической гимназии. «Сократ, Сократа, Сократу» и во всех падежах, включая и высокопарное «О, Сократ!» Имя «Сократ» звенит в ушах, висит в воздухе. Кажется, нельзя ни до чего дотронуться, чтобы не выскочило оттуда что-нибудь о Сократе. И каждый раз — в избылинии паточное умиление, притворное восхищение, неумеренные и притворные похвалы тому, что не только неглубоко и заурядно, а порою и просто пошло. Был даже такой педагог-чех, который ставил скверные баллы за то, что в голосе ученика не было при имени Сократа слезы умиления. Про него же рассказывали (недостоверно, но правдоподобно!), что в минуты благодушия ломаным

языком он усовещал своих питомцев: «Вы должны гордиться, что вас воспитывают такие корифеи, как Сократ, Озип Фёдорович [директор-чех] и я!»

4. Вы вот, вероятно, не знали, что такое Сократ классической гимназии, изготовленный «по-чешски» и внедряемый в сердца ее воспитанников. Главная специя при этом — неустанное повторение изо дня в день, из года в год: «Сократ — великий человек!»

5. Но есть и еще нечто, даже более существенное, что делало Сократа для нас невыносимым. Это именно обработка его, очистка его. Его стругают и полируют, так что не остается ничего живого, а затем на полученной доске пишут правила морали и благоповедения, причем предполагается, что усиленное тверждение «С<ократ> — великий человек» уже достаточно внушило уважение и к этой доске и ко всему, что на ней ни будет написано, — ибо Сократ, так сказать, дал чехам, преподавателям и воспитателям классической гимназии, как своим прямым наследникам и даже конгениям или почти конгениям, полномочия и подпись свою на чистом листе.

6. Господа, б<ыть> м<ожет>, я преувеличиваю, сгущаю краски, будучи раздражен. Но ведь я же раздражен — от чего-нибудь, а Сократ мне зла не причинял. И не я один — спросите прочих. Есть же причина раздражению. И если тогда было только **предубеждение** против того, что выдавали за Сократа, то теперь — помимо того предубеждения еще и гнев за **опоганение** образа Сократа.

7. Если всякий крупный человек — загадка в сравнении с обыкновенными людьми (и это тоже загадки), то Сократ — загадка из загадок. Взгляните на него непредубежденным взором. Он весь — из удивительных противоречий, прямо-таки несогласимых между собою. И это — загадочно. Но того — мало: эти несогласимые противоречия образуют в живой личности Сократа почти единственное, достигнутое человеком на земле, гармоническое целое, равновесие, производящее впечатление почти художественное. Поскольку безблагодатный человек может быть прекрасен личностью, постольку им был Сократ; да и то — вы сами знаете — апологеты и древние иконописцы делали попытки причислить Сократа к «своим», ибо его — выражали они мнение — коснулась предвосхитительно благодать Бога-Слова (Иустин Фил<ософ>).

8. Загадочно и состояние наших сведений о Сократе. Обыкновенно мы более всего знаем об **учении** философа, менее — об его **биографии** и совсем мало представляем себе его **личность**. Относительно же Сократа — все наоборот. Мы великолепно представляем себе его личность, знаем кое-что из его биографии; но **учение** его известно весьма недостаточно. В сам<ом> деле.

9. Вы конечно знаете, что единственный род творчества, к которому был причастен Сократ, — это **деторождение**, как **духовное**, в душах учеников, так и **физическое**, в своей семье. Он не оставил потомству ни строчки, по которой можно было бы судить об его учении.

10. Второй прием, посредством которого можно узнать об учении философа, — это исследование воззрений школы его. Так, о Пифагоре судим по взглядам пифагорейцев. Но Сократ имел много учеников, или, скорее, последователей, воспитанников, однако школы у него не было.

11. Третий путь заключался бы в выделении однородных положений из различных учений преемников философа. Так, чтобы судить об **Аммонии Сакк<ас>е**, который тоже не оставил ни сочинений, ни школы, но лишь учеников и воспитанников, мы могли бы сличить учения **Плотина** и **Оригена**, учеников его, хотя и не принадлежащих к одной философской школе. Но попробуйте сделать что-ниб<удь> подобное в отношении Сократа! Среди учеников его мы находим и опрошенцев-киников и проповедника наслаждения Аристиппа; утописта и идеалиста Платона и помещика и практика Ксенофонта и т. д. Найти их общего делителя — это почти то же, что найти общего делителя взаимно простых чисел. Прямо-таки у них, в содержании учения, ничего нет общего.

12. Действительно, значит, на вопрос: чему учил Сократ? — мы вынуждены ответить: «**Ignoramus**».

13. Но мало того, что мы не знаем, чему учил Сократ; нас постоянно сбивает с толку великое множество памятников, говорящих от имени Сократа, и притом весьма разноречиво. Дело в том, что в среде учеников Сократа возникает особая литературно-философская форма «сократических речей» или «сократических диалогов». Тут Сократ выводится главным действующим лицом, беседующим с сам<ыми> различ<ыми> представителями аф<инского> общества и непременно одерживающим над ними верх. Образчики этой литературы, дошедшие до нас: **Ксенофонта** (Меморабили, Экономик, Симпосион) и Платона, подлин<ного> и неподлин<ного>. Писались «Сократическ<ие> диалоги» и другими учениками, напр<имер> Антисфеном, Аристиппом, Аристотелем, но до нас они не дошли.

14. Платон и Ксенофонт (Трубецкой, Ист<ория> фил<ософии>. Ч.> 2, стр. 16). Сократ. Платон. Семиотика для Платона. <Неразб.> о Сократе.

15. «Сократические диалоги» Платона, — где отсутствуют особенности Платонова учения об идеях. Тут Сократова философия характеризуется как непрерывный процесс **искания**. Два мнения о психе.

16. Платонова «Апология» является воротами, чрез которые можно войти в понимание Сократовой философии. И с этого возвышенного

пункта сразу делается ясным, почему Сократ не оставил ни сочинений, ни школы, почему ученики его диаметрально противоположны между собою. Потому, что Сократ не был «учителем» в обычном смысле слова, — потому, что у него не было никакого определенного учения. Философия Сократа — это жизнь его, его личности, как воплощенное искание мудрости, как само стремление к знанию, как вечно-юное, вечно-критическое, вечно-гибкое и никогда не становившееся догматическим, затвердевшим непосредственное переживание истины.

17. До какой степени глубоко личным, непосредственно от личности **текущим** (NB) было влияние Сократа, я поясню вам удивительными признаниями учеников его: Сократ, говорили они (см. «Феаг»), никогда ничему не учил своих последователей. Но, находясь в общении с ним, они быстро и во всем преуспевали. Занятия шли успешнее, когда Сократ находился в том же доме, и особенно успешно, когда он был в той же комнате и ученик смотрел на него. Но наибольшее влияние обнаруживалось, когда было физическое соприкосновение, — когда Сократ обнимал ученика. Если же ученик порывал отношения с Сократом, то приобретенное им в прежнем общении выдыхалось, так, напр<имер>, исчезали находчивость в ответах, красноречивость и т. д.

18. В послед<них> лекциях я вернусь к этим фактам. Сейчас же мне неважно, какое толкование вы дадите им: при всяком толковании, конечно, останется несомненным личное, не рассудочное, не научное, не головное, а органическое, так сказать, воздействие Сократа на последователей, — как выражается один истор<ик> философии (Дёринг), это «животный магнетизм».

19. Полагаю, для вас не будет теперь неожиданным тот вывод, что глава истории филос<офии>, посвященная Сократу, должна быть не чем иным, как изучением его личности. Философия Сократа была не учением, а духовною деятельностью; это было не занятие, не профессия, а функционирование жизни, сама жизнь; это было, выражаясь образно, не чтение лекций, а дыхание.

20. Недаром Ляхес говорит о Сократе, что он производит на него **музыкальное** впечатление, «потому что он извлек прекраснейшую гармонию не из лиры или какого-нибудь другого инструмента, а из самой жизни, согласив в себе самом слова с делами» и являя образец «истинно эллинской гармонии» (188 D).

18. Тут, при этом изучении, мы находимся в условиях на редкость благоприятных. Образ Сократа запечатлен гениальным художником слова, и это изображение его, данное Платоном, до такой степени конкретно, художественно и проникновенно глубоко, что мы почти видим Сократа. При чтении Платона неизменно присутствует в душе чувство реальности Сократа. Платон «показывает нам его на афинских площадях в беседах и спорах с афинскими юношами, с софистами,

с согражданами; мы видим его на поле битвы, среди попойки, перед судом, в темнице, в его последние часы. Мы знакомы со всеми особенностями его речи, с приемами его бесед» (Трубецк<ой.> Ист<ория>. <С.> 165). Мы знаем его привычки, его мелкие особенности, вкусы и даже физиологическую жизнь. Большинство исследователей высказывается взгляд, что и Платон, как Ксенофонт, желал возвеличить Сократа, представив нам совершенного философа. Так думают, напр<имер>, Шлейермахер, Штальбаум, Штейнгарт, Мунк и др. Но это «общераспространенное мнение <...> при ближайшем анализе оказывается невероятным. Для доказательства, что Платон сознавал личную потребность в такой идеализации, у нас нет никаких данных. Думать же, что он желал возвысить Сократа в глазах современников, прямо невозможно. За немногими лишь исключениями, всеми вообще речами Сократа у Платона не могло не оскорбляться афинское чувство. Отрицательное отношение к установленному строю и виднейшим его представителям, постоянное сбивание всех и каждого с толку, парадоксы в самых общепризнанных воззрениях должны были в глазах большинства читателей поставить Сократа на ряду с опаснейшими из болтунов и худшими из софистов» (Гиляров. Плат<он> как ист<орический> св<идетель>, стр. 84–85). Далее у Гилярова цитаты (образчик).

19. Но сила изобразительности еще возрастает, доходя до пластичности, до выпуклости. Мы видим образ Сократа стереоскопически — отделяющимся от окружающего фона, выходящим из рамы литературного произведения, так что можем себе ясно представить, как поступил бы Сократ в том или ином, источниками не передаваемом случае. Эта выпуклость Сократовского образа, как и выпуклость в стереоскопе, достигается тем, что мы имеем рядом с платоновским изображением еще одно — ксенофоновское, — сделанное с совсем другой точки зрения.

20. Итак, прежде всего посмотрим на Сократа. Вы, конечно, тысячу раз слышали, что Сократ был некрасив. Плешивая голова, огромный своеобразной формы лоб, косые, сильно навывкате глаза, курносый, с оттопыренными и вывороченными ноздрями нос; толстые, мясистые губы, большой рот — эти черты его наружности всем известны, конечно. Таковым изображает себя и сам Сократ.

21. В шутовском споре Сократ, напр<имер>, след<ующим> образом пытается доказать, что он прекраснее красавца Аристовула (Ксенофонт. Пир, гл. 5. Прочитать 2–8: Т. V, рус. пер., стр. 25–26).

22. И от самого Сократа («Пир» Ксеноф<онта>, гл. 15 и др.), и от других (Алкивиад в «Пире» Платона и др.) мы постоянно слышим сравнение его с **сатиром** или с **силеном** вообще, а также, в частности, с **силеном Марсием**. Но знаток красоты и специалист по древнему ис-

кусству, знаменитый **Винкельман** говорит, что «**совершенно было бы невозможно более унижить человеческую природу, как представляя ее под видом Силен**» <Lavater. Essai sur Physiognomie, 1er Partie, p. 108, прим.>. Если Сократа сравнивали с силеном, то это значило, что безобразнее ничего нельзя было и представить себе, «хуже нет».

23. Но слова все же мало дают **почувствовать** безобразие Сократа. Самые красноречивые слова о горьком создадут все же впечатление, являющееся лишь слабой тенью в сравнении с **вкусом** горького, непосредственно ощущаемым. Если ограничиваться одним чтением, то как-то невольно начинаешь думать: «ну, это так, это преувеличение, гипербола» и сам продолжаешь держаться того мнения, что если Сократ не был красавцем, то просто обладал обыкновенною, недостойною его гения наружностью. Представляешь Сократа в виде идеализированном, вроде рафаэлевского Сократа «Афинской школы». Это, однако, — неверно. Существующие изображения Сократа, дошедшие из древности, показывают, что Сократ действительно был безобразен. Тут надо **самому** видеть, и притом как красота эллинов пластична, так и безобразие человеческое может быть выражено лишь в скульптуре: надо видеть потому не рисунок и не барельеф, а бюст, статую Сократа. Меня лично поразил принадлежащий **Эрмитажу** бюст Сократа: да, я знал, что Сократ некрасив, но чтобы он был до такой степени уродлив, почти **нечеловечески** уродлив, этого даже в голову не приходило.

24. Мне думается, что основное положение физиогномики или, точнее, **физиогномики**, т. е. науки о соответствии характера и задатков души с наружностью, — а именно **наличность** такого соответствия в принципе признается каждым из нас. Мы говорим: «Лицо — зеркало души». Мы судим о человеке по его лицу и, следовательно, признаем возможность перейти от наружного к внутреннему.

25. Но если так, то мы не можем не спросить себя: «Что же означает это безобразие Сократа? Неужели оно — только анекдотическая подробность, ничего глубокого не говорящая?»

26. Но если для вас в этом факте безобразия Сократа нет ничего, за что цеплялось бы размышление, если он все еще слишком прост для вас, то я теперь напомню о том, в какую сторону, так сказать, было обращено это безобразие. Сократа сравнивали с **силенами** и с **сатирами**. Но вот и те и другие — существа, художественно воплощающие в себе идею **чувственности, насмешливости, лукавства, необузданности, вьедливости, козловатости**, — в общем, можно сказать, избыток плотской жизненности, кипучести крови, сил избыток. Хотели того или нет сравнивающие Сократа с силенами и сатирами, но своим сравнением они фактически утверждали, что в Сократе есть чувственность, насмешливость, лукавство, необузданность.

27. Таково **общее** впечатление от лица Сократа. Но оно делается отчетливым и несомненным, если вникнуть в отдельные черты этого лица. Губы, нос, глаза, — каждая черта лица говорит о сильном развитии **низших** сторон человеческого существа, о **животных** влечениях, о наклонности к **грубым** наслаждениям и о лукавстве и насмешливости.

28. Открытие в лице Сократа того, что принято признавать недостойным человека и, во всяком случае, неприличествующим философу и мудрецу, однако, — не новость. Вы, конечно, слыживали, и не раз, о суждении известного физиономиста древности Зопира касательно Сократа. Опираясь на данные своей науки, **Зофир** весьма неместно определил Сократа, сказав, «**что он дураковат (stupide), животен (brutal), похотлив и предан пьянству**».

29. Этот физиогномический анализ подтверждают и другие физиогномисты. Так же высказывается **Алкивиад**, то же говорит **Аристотель** и др. (Lavater, I, p. 170).

30. Но если так приходится истолковать черты лица Сократа согласно принципам физиогномики, то не следует ли отсюда попросту лишь нелепость физиогномических толкований и ложность ее принципов? И это соображение — не новость, ибо оно явилось почти одновременно с первым, зопировским, анализом лица Сократа. В свое время, узнав суждение Зопира, последователи Сократа много смеялись над толкованием физиономий. А затем ссылка на **Зопира** сделалась любимым аргументом против возможности самой науки физиогномики: мнение Зопира стало рассматриваться как *reductio ad absurdum*.

31. Понятно, что физиогномисты забеспокоились, и Сократ стал для них мукою: **crux physiognomonistarum**. Основатель новой физиогномики, знаменитый **Лафатер**, в первом томе своего «**Опыта о физиогномике, имеющей назначение заставить познать человека и заставить его любить**» (Essai sur la Physiognomonie: Destiné à faire connoître l'Homme et à le faire aimer par Jean Caspar Lavater, première partie, p. 167—182) посвящает 15 стран<иц> специальному обсуждению этой контроверзы.

32. Лафатер дает целый ряд постепенно углубляющихся соображений: 1) Зофир мог ошибиться; 2) что Сократ мог быть исключением; 3) что это несоответствие внешности и внутренности могло быть явлением аномальным, вроде шестипалого человека, — что доказывается нашим удивлением пред ним.

33. 4) что «люди с очень решительным характером, полные энергии, и те, силы которых действуют в противном смысле, имеют обычно в общем виде своей внешности нечто неприятное, жесткое и двусмысленное, весьма разнящееся тем самым от того, что грек, художник и человек со вкусом называют **красотою**. По крайней мере, по изучении

и уразумении выражения этих физиономий делается ясно, что они должны ранить взор, ищущий единственно только красоты. Физиономия Сократа должна быть отнесена к этому классу» (id., p. 170).

34. 5) наконец, самое важное соображение Лафатера заключается в настойчивом утверждении, что «должно хорошо различать расположения развития (les dispositions de développement = предрасположения, задатки развития) — таланты или способности их применения и их употребления — твердые части от частей, которые мягки, — пребывающие (permanents) черты от тех, которые подвижны» (p. 173).

35. Далее Лафатер применяет этот принцип к Сократу. Он утверждает, что как физиономисты, так и противники их пренебрегли этим правилом и занимались исключительно «твердыми», т. е. прирожденными, чертами физиономии Сократа, и не обратили внимания на игру его физиономии. «Может быть, что форма лица Сократа казалась очень безобразной малоопытным глазам, тогда как игра физиономии его представляла черты небесной красоты» (id., p. 170). «Человек, рожденный с самыми наилучшими задатками, может предаться злу, а тот, кто по-видимому имел только одни худые, может стать человеком добра. Иногда случается, что выдающиеся таланты остаются зарытыми, тогда как таланты весьма посредственные совершенствуются упражнением до такой степени, которая удивляет» (p. 170-171). «Если прирожденные черты, задатки, были скверны, то благоприобретенные явны только при движении физиономии; в неподвижном же ее состоянии они приметны только весьма опытному глазу, да и то иногда для этого требуется специальное исследование» (p. 171).

36. Приблизительно так разъяснил и сам Сократ контроверзу Зоппира: «От природы я был склонен ко всем этим порокам, но посредством постоянного упражнения добродетели я достиг исправления моих недостатков и подавления моих наклонностей» (id., p. 167).

37. Но можно и еще углубить объяснение нашего случая, — что и делает Лафатер. В сущности говоря — приблизительно так рассуждает он, — нет ни худых, ни хороших задатков. Все рождаются невинными — ни злыми, ни добрыми, — но все грешны, ибо «грех есть не что иное, как вкус к чувственным наслаждениям» (p. 172). И так, все рождаются с особым жизненным инстинктом наслаждаться жизнью, — с силою и возбудимостью.

38. Но, как сказал Гельвеций, «злоупотребление мощью (и то же о всякой обладаемой способности) так же неотделимо от мощи, как действие от причины». «Кто может все, что он хочет, тот хочет более того, что он должен» (Qui peut tout ce qu'il veut, veut plus que ce qu'il doit) (p. 173). И значит, «когда задатки человека скверны», то это может означать также, «что они превосходны», «ибо возможно, что он

сделает доброе употребление из этого избытка сил, которым обычно злоупотребляют» (р. 174).

39. Этот-то именно редкий случай и представляет собою Сократ. Великая **чувственность** всей *нижней* части лица имеет над собою величайшую сознательность *верхней* части лица — этого философского лба нависающего. Великая **сила жизни**, мощь плотской жизни крепко сжата могучим интеллектом. Конечно, Сократ — не анемичная натура, свободная от страстей по причине своего **бессилия**. Но он имеет громадное самообладание. Его власть, сдерживающая великую чувственность, еще мощнее, чем сама чувственность. И посредством великой **силы** он **делает** то, что большинство уже имеет готовым по своему бессилию.

40. Нужно вдуматься, что такое чувственность. В существе своем, мы, поскольку **люди**, а не ангелы бесплотные, постольку и чувственны, т. е. влечемся к физической жизни. Большая чувственность — это значит сильное влечение к физической жизни, это значит органическая **мощь**. Если Сократ был сильно чувствен, то сам по себе этот факт доказывает только то, что он, как человек, был большой, значительный, — что он имел крепкие корни на земле, что своими длинными, толстыми и многоветвистыми корнями он глубоко уходил в недра земные и крепко сидел там.

41. Как могучий дуб, кроною своею уходящий в облака, корнями твердо и глубоко держится в земле и потому именно может выситься; как большой корабль, мачтами своими вонзающийся в лазурь, тем глубже сидит в воде и потому именно устойчив, — так и богатырская личность Сократа, головою ушедшая в небеса (вы увидите, что он был мистиком) и общающаяся с миром горним, ногами основательно стояла на земле, в мире дольном. И б<ыть> м<ожет>, насколько выше нас всех превышал Сократ нас верхом, настолько — пренижал низом.

42. До сих пор мы говорим о чувственности вообще. Но как конкретнее и расчлененнее представить положение дела? Где точка концентрации чувственности? Где плотская жизнь является плотскою **κατ' ἐξοχήν**? Где тело наиболее телесно? Где у корней человеческого существа главная часть, ведущая в самые **недра** земные?

43. Конечно, ответ на все это один. Это — ощущение тела как **тела живого**, а не как просто механической массы или физического феномена.

44. Это — та сторона человеческого существа, которою сознается тело человеческое как нечто таинственное, носящее в себе тайну, сверхфизическое, даже сверхфизиологическое нечто. Это то, что позволяет нащупать корни человеческие, идущие в первооснову, в темный и безвидный хаос.

45. Одним словом, это — **пол, чувство пола**, разумея последний термин в несколько неопределенном смысле, б<ыть> м<ожет>, более широком, чем это делается обычно.

46. Чувственность Сократа есть по преимуществу его глубокое проникновение, его глубокое ухождение в стихию **пола**. **Половое чувство** (разумея это опошленное выражение не как мелкую похотливость, доказывающую, в сущности, **дряблость** пола, его **бессилие**, а как глубочайшую проникновенность стихией пола в его самом метафизическом значении), — половое чувство, говорю я, было мощною пружиною, двигающею весь состав Сократа. Вся философия Сократа **эротична**, и чуть ли не все главнейшие термины ее взяты из сферы деторождения. «Философский эрос Сократа оплодотворял умы, диалектика разрешала ум от бремени, освобождала мысль от ее субъективной замкнутости. Эрос был внутренним двигателем, пафосом, диалектика — формой его философии» (Кн. С. Н. **Трубецкой**. Собр. соч., т. III, *Мет<афизика> Др<евней> Гре<ции>*, стр. 407). «Сводничество», «любовное искусство», «влюбленность», «влюбленный», «Эрос», «привораживание», «рождение в душах», «зачатие», «повивальное искусство» и т. д. и т. д. — вот слова, не сходящие с языка Сократа. Нужно же понять наконец, что это не пустые слова, что они значат что-нибудь, кроме далеких и натянутых метафор, — если только мы не желаем считать Сократа пошлым резонером и болтуном. Но что значат они? Ответить на этот вопрос вовсе не так-то легко, как кажется сперва. Понятие **философского Эроса** — вот ответ на наш вопрос, но ответ, в свою очередь, запечатанный 7-ю печатями. И чтобы ответить на него, нам надо еще рассмотреть, как уходил Сократ своею вершиною к небесам, — его **демонион**. Вопросом о **демонионе** мы и займемся в ближайшую лекцию.

